

РУССКИЕ ФИНАНСЫ В 1812 ГОДУ

Если история военных действий в ходе Отечественной войны 1812 года изучена сравнительно неплохо, то финансовая история Двенадцатого года еще ждет своего исследователя. Обычно все упоминания о финансах в это время сводятся к простому перечислению тех чрезвычайных мер по мобилизации дополнительных денежных ресурсов, которые были осуществлены после вторжения Наполеона в Россию. Между тем события, так или иначе затрагивающие отечественные финансы, отнюдь не сводились к этим, хотя и важным, но все-таки единичным мерам.

Начнем с того, что промен ассигнаций на серебро в первые месяцы 1812 г. снова повысился. Если 2 января 1812 г. на Санкт-Петербургской бирже за 100 руб. серебром давали 388 руб. ассигнациями, то 16 февраля - уже ровно 400, а в конце марта - и вовсе 408 руб.¹ В этом не было бы, наверное, ничего примечательного, если бы такая динамика не находилась в явном противоречии с увеличением количества серебряной монеты в обращении.

Прекращение новых выпусков ассигнаций, а также их резкое обесценение, произошедшее в 1810 г., привели к тому, что денежная масса сократилась относительно потребности в ней для торговых оборотов и серебро, совсем было исчезнувшее из обращения, начало постепенно возвращаться в его каналы. В немалой степени этому содействовало и состояние вексельного (или обменного) курса рубля, установившееся с июля 1811 г., которое сделало вывоз золота и серебра из страны экономически невыгодным. Напротив, сложилась благоприятная ситуация для привоза драгоценных металлов в Россию. Так, по признанию министра финансов Д.А. Гурьева, только «в продолжение истекающей зимы привезено оных в пределы государства, как то достоверно известно, в слитках и ефимках, ценою более нежели на полтора миллиона рублей серебром»². И тем не менее цена серебра, которая под влиянием увеличения его предложения должна была бы понизиться, продолжала расти. Чем же объяснить столь необыкновенное явление?

Ответ, на наш взгляд, лежит на поверхности. Вот уже несколько месяцев как войска стягивались к западной границе Российской империи. Война считалась делом решенным, и ее начала ждали со дня на день. Вполне логично было в этих условиях запастись полновесными металлическими деньгами. Кроме того, большое число российских войск, расположившихся в приграничных губерниях, создавало значительный дополнительный спрос на серебро. Дело в том, что на содержание армии Министерством финансов отпускались главным образом ассигнации. Между тем в приграничных губерниях (в особенности западно-белорусских и литовских) они так и не получили широкого распространения и, следовательно, должны были промениваться на серебро, с тем чтобы войска могли довольствоваться всем необходимым.

В том, что дело обстояло именно так легко убедиться, сравнив курс ассигнационного рубля в различных регионах России. Чем дальше от мест основной дислокации войск они находились, тем меньше там упали ассигнации. В Виленской губернии, где располагалась основная масса войск и, следовательно, спрос на серебряную монету был наибольшим, ассигнации понизились в цене до 20 и даже 19 коп. серебром. Иначе говоря, за один рубль серебром надо было отдать 500 и даже 526 коп. ассигнациями. Но вымен серебра на ассигнации производился и в смежных губерниях. Особенно удобно его было осуществлять в соседней Риге, куда серебро поступало по торговым операциям и откуда его легко было доставлять в войска. Здесь в апреле 1812 г. за 1 руб. серебром давали 423 коп. ассигнациями³. Зато в более удаленном Санкт-Петербурге, везти из которого монету было бы затруднительно, средний биржевой курс за апрель составил

всего 410 коп. ассигнациями за рубль серебром, в Москве же он и вовсе равнялся 403 коп. ассигнациями. При этом надо заметить, что, до того как войска сосредоточились на западных границах, курс ассигнаций в Риге был, как правило, более благоприятным, чем в Санкт-Петербурге.

Однако министр финансов не спешил признавать очевидное. Утверждая, что операции по скупке серебра производятся с величайшей осторожностью и «отнюдь не превышая того количества, которое и прежде под рукою скупалось было», Д.А. Гурьев предпочитал называть причиной такого обесценения ассигнаций что-то «особенные злоумышленные намерения»⁴, правда, не уточняя при этом, кого он имел в виду.

И все-таки проблемы, которые создавались притоком (вслед за войсками) ассигнаций в западные губернии, население которых по большей части не имело привычки в их использовании, заставили министра финансов вновь обратиться к рассмотрению вопросов денежного обращения.

Как известно, в основание финансовых реформ, проводившихся с начала 1810 г. по «плану финансов» Сперанского, был положен отказ от использования ассигнаций для финансирования бюджетного дефицита. Логическим завершением этих преобразований должна была стать денежная реформа, призванная превратить ассигнации в «истинные кредитные бумаги, на серебре основанные»⁵. В общих чертах эта реформа предполагала погашение ассигнаций посредством займа, после чего должно было последовать учреждение «циркуляционного банка», наделенного правом эмиссии размениваемых на серебро банкнот и утверждение серебряного рубля в качестве основы монетной системы. Впрочем, в «Плане финансов» рассматривалась и другая возможность - уменьшение количества ассигнаций в обращении до тех пор, пока они не уравниются с серебром. Поскольку в своем начале оба эти способа предполагали одинаковые мероприятия, а именно изъятие ассигнаций из обращения, то М.М. Сперанский полагал, что окончательный выбор можно отложить на будущее.

Однако на практике политика в области денежного обращения сразу свелась ко второму пути, поставив в конечном счете во главу угла возвышение курса ассигнаций. При этом была допущена серьезная ошибка. Манифестом 20 июня 1810 г. в качестве единственного законного платежного средства был установлен серебряный рубль, хотя в «Плане финансов» эта мера однозначно увязывалась с созданием эмиссионного банка, о котором теперь не было сказано ни слова. Между тем М.М. Сперанский предупреждал: «Всякая операция в монете прежде сего установления имела бы самые вредные последствия»⁶. Так оно и случилось.

Неподготовленные попытки монетизации денежного обращения лишь выталкивали из него ассигнации, что никак не содействовало повышению их курса. Ситуация, сложившаяся в западных губерниях после того, как там началась концентрация российских войск, лишь обострила эту проблему. В результате Д.А. Гурьев пришел к выводу о необходимости законодательно поддержать статус ассигнаций, пока они не обесценились еще больше. В октябре 1811 г. он внес в Государственный совет представление, в котором, указывая на недостаток в средствах платежа, предлагал законодательно расширить круг обращения ассигнаций, распространив его, помимо 40 губерний, где они уже имели хождение, и на 10 приграничных губерний. Предполагалось что все налоги, сборы и прочие доходы будут повсеместно взиматься вместо серебра ассигнациями, ими же должно выплачиваться жалование чиновникам и осуществляться прочие казенные расходы.

Это представление не встретило принципиальных возражений со стороны Департамента государственной экономии, возглавляемого Н.С. Мордвиновым, постоянным антагонистом министра финансов. Напротив, он находил, что расширение обращения ассигнаций «в тех провинциях империи, где доселе все сделки совершались на серебро» произведет такое же действие, что и уменьшение их количества. И потому счел эту меру согласующейся с общей политикой, направленной на погашение ассигнаций. Единственное замечание Департамента сводилось к тому, что

ввести повсеместное хождение ассигнаций, не определив им при этом постоянный и законный курс на серебро, не только невозможно, но и несправедливо⁷. Потому вопрос этот был отложен как требующий тщательного и всестороннего изучения.

Вновь к его рассмотрению Департамент государственной экономии вернулся уже в феврале 1812 г. После продолжительного обсуждения, потребовавшего четырех заседаний подряд (с 15 по 18 февраля), Департаментом был выработан проект соответствующего положения⁸. В нем, в частности, предусматривалось, что законный курс, устанавливаемый ежегодно до тех пор, пока ассигнации не сравняются с серебром, будет применяться всего в двух случаях: для платежей налогов и сборов в казну там, где они прежде взимались серебром, а также в платежах по долгам, контрактам, векселям и прочим обязательствам, на серебряную монету заключенным, как частных людей перед казной, так и частных людей между собою. Законный курс не распространялся на обязательства, возникающие по внешнеторговым операциям, а также на куплю-продажу, осуществляемую за наличный расчет. Для определения законного курса Департамент экономии полагал целесообразным основываться на движении капитала погашения. Использование коммерческого курса, определяющего стоимость серебра через посредство обменного курса рубля к другим валютам, признавалось малоприменимым как из-за воздействия на него случайных обстоятельств, так и по замедленности распространения его от портовых городов к внутренним. Тем не менее предлагаемый Департаментом законный курс ассигнаций на 1812 г. оказался весьма близок именно к коммерческому курсу, сложившемуся на начало года, а именно 3 руб. ассигнациями за 1 руб. серебром.

На общем собрании Государственного совета 26 февраля 1812 г. только девять его членов высказались за введение этого положения в действие, а 13, в том числе и министр финансов, были против. По мнению Д.А. Гурьева, принуждая частных лиц принимать ассигнации вместо серебра по курсу, отличному от сложившегося на рынке, правительство нарушает права собственности, что не только не расширит круг обращения ассигнаций, но лишь еще больше сузит сферу их применения.

Вскоре М.М. Сперанский был отправлен в ссылку, вслед за ним подал в отставку и Н.С. Мордвинов, и тогда в начале апреля 1812 г. Д.А. Гурьев вновь внес свое представление в Государственный совет⁹. На этот раз оно не встретило никаких возражений и было оформлено манифестом, который 9 апреля 1812 г. подписал Александр I. Этим манифестом предписывалось «во всем пространстве империи счета и платежи с издания сего основывать на государственных банковых ассигнациях»¹⁰. Все подати и сборы, взимавшиеся ранее в казну серебром, должны были отныне уплачиваться исключительно ассигнациями. При этом оставшиеся недоимки в податях серебром надлежало платить ассигнациями по курсу 2 руб. за рубль серебром, а сборы с оброчных статей и доходы с казенных имений по арендным контрактам - по курсу 3 руб. за рубль серебром. Что касается платежей между частными лицами, то им дозволялось заключать сделки и писать обязательства на серебро, однако никто уже не мог отказаться от платежа по таким сделкам ассигнациями по их биржевому курсу на серебро в день платежа.

Внимательное знакомство с текстом манифеста позволяет сделать вывод о двойственности занятой министром финансов позиции. С одной стороны, он проявляет себя достойным приверженцем учения А. Смита, предоставляя частным лицам самим определять курс ассигнаций в сделках между собою, но с другой - узаконивает принудительный курс, хотя и ограничивает его применение податной сферой. Таким образом, было бы неверно усматривать в этом манифесте принципиальный отход Д.А. Гурьева от той политики в области финансов, которая проводилась с начала 1810 г. Все различие между манифестом и положением, подготовленным Департаментом государственной экономии, заключалось лишь в том, вводить принудительный курс для частных платежей или нет. Но так ставить вопрос

было бы не верно. Важен не сам факт использования того или иного курса, а сохранение единства денежного обращения.

Между тем, можно предполагать, что в случае реализации положения Департамента экономии о законном курсе, единство денежного обращения было бы сохранено, так как курс этот был единым для различных операций. Напротив, реализация принятого по инициативе Д.А. Гурьева манифеста привела к возникновению множественности курсов рубля и, соответственно, к возникновению параллельных сфер денежного обращения, каждой со своим курсом. В полной мере эта проблема проявилась уже после войны (речь идет о так называемых «простонародных лажах»¹¹), поэтому не будем здесь подробно на ней останавливаться.

Посмотрим, как сказались и сказались ли вообще положения этого манифеста на курсе ассигнаций в 1812 г. В научной литературе, посвященной проблемам денежного обращения, достаточно распространенной является точка зрения, что принятие манифеста 9 апреля 1812 г. являло собой радикальную меру против дальнейшего падения курса ассигнаций. «Манифест давал ассигнациям *повышательную* тенденцию, - считал, например, профессор П.П. Мигулин, - косвенно заставив и биржу считаться с податными курсами и создав на ассигнации усиленный спрос требованием оплаты всех налогов и сборов» исключительно ассигнациями¹².

На первый взгляд, с этим утверждением трудно спорить: курс ассигнаций достиг в апреле 1812 г. своего минимума, и начал расти. Так, в мае стоимость серебряного рубля в Риге понизилась до 415 коп. ассигнациями против 423 коп. в апреле. Аналогичная динамика имела место в Санкт-Петербурге и Москве. Однако более детальное рассмотрение данного вопроса приводит к иным выводам. Возвышение ассигнаций началось еще до того, как названный манифест был опубликован. Так, в «Московских ведомостях» он был напечатан только 1 мая 1812 г., тогда как курс в Москве начал расти с 15 апреля, когда он достиг своего дна, составив 408 коп. ассигнациями. А на Санкт-Петербургской бирже наименьший курс ассигнаций и вовсе был зафиксирован 9 апреля, когда промен на серебро равнялся 420 коп. ассигнациями.

Не прослеживается и «усиленный спрос» на ассигнации, который повлиял бы на биржевые котировки. (В Москве, например, курс ассигнаций в течение мая месяца вырос всего на 1,3%, а на Санкт-Петербургской бирже за то же время даже снизился на 2%.) Да его и не должно было быть. Подушная подать, на долю которой приходилось около трети всех доходов бюджета, уплачивалась в два срока. Только в это время и мог проявиться какой-либо дополнительный спрос на ассигнации. Но первый срок, приходившийся на январь - март, уже прошел, а следующий начинался только в сентябре. К тому времени большая часть западных губерний в той или иной степени была охвачена военными действиями и собираемость налогов, очевидно, упала.

Но если ажиотажного спроса на ассигнации после принятия манифеста 9 апреля 1812 г. выявить не удалось, то этого нельзя сказать про облигации Комиссии погашения долгов. Облигации эти, выпущенные в 1810 г. в целях уменьшения количества ассигнаций в обращении, должны были погашаться серебром, но имели для привлечения вкладчиков льготную цену в ассигнациях, которая была определена в 2 руб. ассигнациями за рубль серебром. Когда в июне 1811 г. они появились в обращении, то пользовались устойчивым спросом, так как с их помощью можно было дешевле расплатиться по займам, сделанным в серебре, приобретая его фактически по ассигнационной цене облигаций. В результате цена их с самого начала на 20% превышала цену размещения, т.е. составляла 240 коп. ассигнациями за рубль серебром¹³. В марте - апреле 1812 г. цена их несколько повысилась, составив 7 мая 1812 г. 25% прибыли на ассигнации, после чего произошел резкий скачок, так что уже к 28 мая цена облигаций Комиссии погашения поднялась до 42%, или 284 коп. ассигнациями

Таким образом, динамика цены облигаций Комиссии погашения, в общем, соответствовала повышению промена ассигнаций на серебро. При

этом важно отметить, что основной рост пришелся как раз на то время, когда падение ассигнаций остановилось и курс их стабилизировался. Следовательно, взлет ассигнационной цены облигаций нельзя объяснять простым обесценением самих ассигнаций. Остается предположить, что здесь имели место те же причины, что и в случае с ассигнациями, а именно общее повышение спроса на серебро в преддверии надвигавшейся войны. То, что спрос перешел и на государственные долговые обязательства, лишний раз показывает, насколько ошибался Д.А. Гурьев, когда пытался усмотреть в возвышении цены серебра в приграничных губерниях одни лишь «неблагонамеренные усилия к накоплению»¹⁴ золота и серебра.

Впрочем, подобные заявления министра финансов могли преследовать и другую цель. Из назначенных по росписи Военному министерству на январскую треть 973 тыс. руб. серебром им была отпущена в войска всего 361 тыс.¹⁵ Теперь же он находил благовидный предлог не только приостановить дальнейшую высылку серебряной монеты, но и предложить Александру I радикально изменить способ снабжения и продовольствия армии.

Концентрация войск на западной границе повлекла за собой, что вполне естественно, рост цен на продовольствие и фураж. Так, 3 января 1812 г. Комитет министров заслушал записку, в которой сообщалось, что цены, запрашиваемые за поставку провианта по Ви-ленской губернии, составляют: «за четверть муки от 3 руб. 20 коп. до 3 руб. 25 коп., за четверть круп от 5 руб. 60 коп. до 6 руб. 50 коп., за четверть овса от 2 руб. 75 коп. до 3 руб. 75 коп. серебром, каковые цены военный министр находил весьма дорогими». На что Комитет министров поручил сообщить, что «он и сам цены сии находит весьма дорогими»¹⁶ и утвердить их не может. В самом деле, по сравнению с концом декабря 1810 г. цена на муку, например, выросла на 15%, а на овес и вовсе поднялась более чем на 60%, притом что в других губерниях ничего подобного не наблюдалось. В Вологодской губернии, например, где солдат находилось немногим более 500 человек, цены, запрашиваемые за поставку провианта для войск, оказались на 4% ниже прошлогодних. Мало того, некий крестьянин Иван Маринин предлагал еще скидку в 525 руб. с общей суммы контракта¹⁷.

Таким образом, уже с самого начала 1812 г. Министерство финансов оказалось в крайне тяжелом положении. Становилось очевидно, что с таким трудом сверстанный недавно бюджет на текущий год едва ли удастся выполнить. В соответствии с росписью государственных доходов и расходов Военному министерству было ассигновано на январскую треть 1812 г., не считая сумм в серебре, 41,3 млн руб. ассигнациями. Между тем Министерством финансов было действительно отпущено 40,8 млн руб. ассигнациями. Сверх того дано вперед на счет майской трети для провиантского департамента 3 млн руб. ассигнациями, на чрезвычайные расходы отпущено 4,5 млн руб. ассигнациями. Всего, следовательно, к 6 апреля 1812 г. в распоряжение Военного министерства было выделено средств ассигнациями на 48,3 млн руб.¹⁸

В этих условиях министр финансов находил необходимым в пограничных губерниях, где концентрировалась основная масса русских войск, «снабжение и продовольствие армии по возможности расположить на земле»¹⁹. Имелось в виду, что вместо покупки продовольствия и фуража за наличные деньги войска будут получать все необходимые им продовольственные припасы за счет реквизиций, осуществляемых по раскладке местных властей, выдавая взамен специальные облигации государственного казначейства. Соответствующий рескрипт о выпуске таких облигаций был подписан Александром I на имя министра финансов 9 апреля 1812 г.

Указом устанавливалось, что облигации выпускаются исключительно «для безостановочного удовлетворения чрезвычайных воинских расходов»²⁰ сроком на один год с уплатой по ним процентов в конце срока в размере 6%. И проценты, и сумма основного долга должны были выплачиваться ассигнациями. Кроме того, по истечении годичного срока облигации принимались в платеж податей, недоимок и прочих государственных сборов

наравне с наличными деньгами. Общий объем эмиссии предполагался в размере 6-10 млн руб. ассигнациями, при этом номиналы новых облигаций должны были быть сравнительно небольшими - от 200 до 500 руб. Особо оговаривалась сфера применения облигаций, которые должны были выдаваться военными чиновниками «в тех только случаях, в коих чрезвычайные воинские потребности будут удовлетворяться нарядами от земли или военными требованиями». В прочих случаях, когда речь шла о добровольных поставках, расплачиваться облигациями за необходимые для армии вещи следовало только с согласия продавцов.

Таким образом, несмотря на то, что после опалы М.М. Сперанского министр финансов Д.А. Гурьев настойчиво уверял Александра I, будто ассигнации не имеют ни одного действительного признака государственного долга, сам он включать печатный станок отнюдь не торопился. Дата подписания указа о выпуске казначейских облигаций, совпавшая с датой подписания манифеста о единообразном хождении ассигнаций, лишний раз свидетельствует, что принципиального отхода от проводившейся по инициативе Сперанского финансовой политики Д.А. Гурьев не планировал. Зато им предлагались иные, более правильные формы организации текущего долга, позволявшие покрывать дефицит бюджета без инфляционных последствий. К тому же они давали возможность избежать ошибок прошлых кампаний, когда полная неразбериха во взаиморасчетах с войсками и поставщиками за купленные для армии припасы заставила правительство в конечном итоге вовсе отказаться от платежа по долгам.

В ходе обсуждения на заседании Комитета министров 10 апреля 1812 г., на котором министр финансов озвучил эти предложения, они получили поддержку коллег по кабинету. Комитет министров находил, что употребление облигаций послужит «как к поддержанию курса ассигнаций, так и к сохранению серебряной монеты внутри государства и вообще к облегчению казначейства в изворотах его»²¹. Вместе с тем предложение Д.А. Гурьева встретило и довольно серьезные возражения.

Самым ярким и довольно эмоциональным противником нововведений, предлагавшихся Д.А. Гурьевым, стал Н.С. Мордвинов. Он считал, что учреждение таких облигаций было опаснее «пяти сот тысяч человек вооруженных, стоявших на границе нашей»²². По его мнению, за проектом введения облигаций стояли те же лица, которые много содействовали отставке М.М. Сперанского, а именно Розенкамф, Армфельд и Балашов. Поэтому после заседания Государственного совета 17 марта 1812 г., на котором соответствующее предложение было рассмотрено, Н.С. Мордвинов сразу подал в отставку с поста председателя Департамента государственной экономии в знак протеста против его принятия²³. Позднее, «во остережение Государя», он писал Александру I из Пензы, разъясняя свою позицию, что изю всех видов бумажных денег, «пагубнейшие суть те, кои предложены были под наименованием облигаций... Они не что иное суть, как список с мандатов поземельных (*mandates territoriaux*), существовавших во Франции несколько месяцев... и давших последний смертельный удар финансам во Франции». В результате правительство должно было признать себя банкротом, «обогатились только хитрые выдумщики мандатов поземельных, коиими. присвоили себе за малые деньги великие казенные имущества»²⁴.

Впрочем, такая критика была не вполне оправдана. Во Франции облигации превратились из инструмента краткосрочного заимствования в бумажные деньги главным образом вследствие разрушения в ходе революции старой налоговой базы, так что правительство практически не имело других источников финансирования, кроме печатания в огромных масштабах ничем не обеспеченных бумажек, пока они полностью не обесценились. В России же после начала реализации «плана финансов» Сперанского сложилась совершенно иная ситуация. В основу финансовых преобразований было, наоборот, положено увеличение налоговых поступлений, причем последние шаги в этом направлении были предприняты в самом начале 1812 г. В этих условиях использование

облигаций могло бы стать достойной альтернативой печатанию ассигнаций. Вместе с тем замечания Н.С. Мордвинова, по всей видимости, хотя бы частично были учтены. Об этом говорит то, что сфера применения облигаций в окончательной редакции указа была точно очерчена и при этом определена достаточно узко.

Свои возражения на предложения Д.А. Гурьева представил и военный министр, который также опасался обесценения ассигнаций в результате реализации этой меры. М.Б. Барклай де Толли полагал, что выпуск облигаций, без принятия мер к поддержанию устойчивого обращения ассигнаций в пограничных губерниях, лишь отсрочит дальнейшее падение их курса. «С наступлением срока выплаты облигаций ассигнациями», - писал он 12 апреля 1812 г. в своей записке Александру I, последние вновь вернутся в пограничные губернии, даже в еще увеличенном количестве (за счет уплачиваемых процентов), в результате чего «упадок их может превзойти всякое ожидание»²⁵. При этом М.Б. Барклай де Толли как-то упускал из виду, что облигации должны были приниматься в уплату налогов, так что увеличения числа ассигнаций в обращении могло и не произойти... или оно оказалось бы незначительным.

Следующие возражения военного министра сводились к тому, что довольствовать войска за счет одних только облигаций невозможно: «...производство порций и госпитальные потребности предполагают неизбежность в некоторых случаях покупок... Я умалчиваю о секретных, - продолжал М.Б. Барклай де Толли, - и других экстраординарных расходах, для удовлетворения коих необходимы деньги наличные в серебре и золоте»²⁶. Александр I нашел, что все эти замечания военного министра «основательны и денежные пособия, требуемые им, суть необходимы» и повелел Комитету министров внести их в журнал (т.е. протокол) соответствующего заседания²⁷.

Тем не менее проблема нехватки денежных сумм оказалась столь остра, что Александр I вынужден был действовать не дожидаясь рассмотрения этих замечаний Комитетом министров. Уже 16 апреля 1812 г. им подписывается указ, объявляющий Курляндскую, Виленскую, Минскую, Гродненскую, Киевскую, Вольнскую и Подольскую губернии, а также Белостокскую и Тарнопольскую области находящимися на военном положении. Соответственно, на основании Учреждения для управления большой действующей армией обеспечение войск необходимым продовольствием и фуражом переходило непосредственно к главнокомандующим армиями. А 24 апреля 1812 г. оба главнокомандующих получили именной указ, которым предписывалось за хлеб, фураж и другие предметы продовольствия, взимаемые военными требованиями с губерний, объявленных на военном положении, выдавать облигации государственного казначейства. Облигации вводились в обращение только с даты подписания этого указа и обращать «их на заплату за прошедшее время» не дозволялось²⁸.

Использование облигаций, следовательно, было поставлено в прямую зависимость от организации реквизиций. Между тем принудительная раскладка поставок продовольствия для армии «на землю» оказалась, по словам Е.Ф. Канкринина, генерал-интенданта действующей армии в войне 1812-1814 гг., «почти половиною мерою». Вину за это он по большей части возлагал на Главный комитет военных потребностей, с учреждением которого начатое было в уездных комитетах дело реквизиций «потеряло свое единство, разлилось в бесплодное письмоводство»²⁹.

Всего, по мнению Пл.А. Шторха, «поступило в военное ведомство пятисотенных облигаций на 6 миллионов руб. (12.000 облигаций), из которых израсходовано только 1.760.000 руб. ассигн.»³⁰. Откуда взялись эти данные не вполне понятно, поскольку Пл.А. Шторх никаких ссылок на использованные им источники не дает. Зато в отчетах, подготовленных Е.Ф. Канкриним по окончании кампаний 1812-1814 гг., содержатся совершенно иные цифры, которым, по нашему мнению, нет оснований не доверять. Так, в «Отчете за войну 1812-1815 гг.» опубликован генеральный баланс

приходов и расходов по действовавшим армиям. Из него видно, что генерал-интендант получил облигаций в 1812 г. на сумму 8,75 млн руб. ассигнациями, из которых одна 500-рублевая облигация была утеряна и заменена наличными ассигнациями, а в 1813 г. было получено еще облигаций на 3,2 млн руб. ассигнациями³¹. В кратком же балансе Е.Ф. Канкрин показывает, что им было возвращено облигаций в Министерство финансов - в 1812 г. на сумму 2,75 млн руб. и в 1813 г. на сумму 9 130 500 руб. ассигнациями³². Таким образом, нетрудно подсчитать, что всего Министерство финансов заготовило облигаций на 9,2 млн руб. ассигнациями, из которых было использовано облигаций только на 69 000 руб.

Таким образом, первый опыт применения краткосрочных облигаций закончился практически ничем. Тем не менее в известном смысле министр финансов добился своего - после введения в приграничных губерниях военного положения армия уже до самого конца Отечественной войны 1812 года и после, в ходе зарубежных походов, снабжалась преимущественно «от земли». Помимо неудавшихся реквизиций, войскам разрешено было брать нужные припасы непосредственно у жителей под квитанции. Поэтому потребность армии в наличных деньгах все-таки сократилась. Соответственно стабилизировался и курс ассигнаций.

Помимо решения вопросов обеспечения текущего финансирования, Д.А. Гурьев хотел добиться ясности и по поводу предстоявших чрезвычайных расходов. В своей записке Александру I, которая по высочайшему повелению рассматривалась Комитетом министров 10 апреля 1812 г., он предлагал повелеть управляющему Военным министерством «сделать немедленно примерное исчисление», исходя из численности армий и предполагаемых военными перемещений, «до каких сумм чрезвычайные военные издержки простираться могут». Свою просьбу министр финансов обосновывал тем, чтобы заблаговременно иметь возможность оценить имеющиеся в распоряжении его ведомства ресурсы и понять, потребуются ли «чрезвычайные вновь меры». Речь фактически шла о том, запускать или нет печатный станок. Комитет министров с доводами министра финансов согласился, предоставив управляющему Военным министерством сделать такой предварительный расчет³³. Едва ли Д.А. Гурьев рассчитывал получить хотя бы какие-то цифры. Тем не менее он предпринял еще одну попытку, вновь обратившись к Александру I, теперь уже через посредство секретного Комитета финансов, который был воссоздан 31 марта 1812 г. по образцу предыдущих финансовых комитетов³⁴.

Рассмотрев на заседании 30 мая 1812 г. ход исполнения росписи на текущий год, Комитет финансов поддержал просьбу Д.А. Гурьева «испросить Высочайшее указание: до каких, примерно, сумм, в случае войны, нужно иметь запасы на такие потребности, которых теперь предвидеть нельзя?». Ответ Александра I, помеченный 17 июня, оказался достоин этого монарха. Признавая невозможность определенно сказать, сколько еще средств может потребоваться, он указывал, что Министерству финансов следует «приискать все средства, дабы иметь в запасе достаточные суммы на случай их востребования»³⁵. Никто, как видим, не стремился принимать на себя ответственность за новый выпуск ассигнаций, и в последнюю очередь этим человеком хотел быть сам Александр I. Буквально накануне, 13 июня 1812 г., он писал Н.И. Салтыкову: «Касательно сделания новых бумажек нельзя ли так учинить, чтобы иметь наличными знатные суммы в казначействе прежде поступления податей. По мере же поступления сих последних исподволь истреблять, чтоб число их не умножать и не нарушить оным данного слова»³⁶.

По сути, эту роль могли бы сыграть облигации государственного казначейства, выпускаемые на год, т.е. как раз на то время, которое необходимо для сбора налогов. Но для их использования в стране не хватало опыта, куда более привычной формой краткосрочных займов являлись «позаимствования» из государственных кредитных учреждений.

С началом Отечественной войны 1812 года курс ассигнаций продолжил преподносить сюрпризы, практически никак не отреагировав на вторжение Наполеона. Как известно, основная масса Великой армии переправилась через Неман 11-13 июня 1812 г. Между тем в Москве 17 июня, когда сведения об этом могли уже достичь города, за рубль серебром давали 395 коп. ассигнациями, столько же сколько и 13 июня, когда о вторжении здесь еще ничего не было известно. Лишь к 20 июня промен в Москве повысился до 4 руб. Что касается Санкт-Петербурга, то 14 июня промен на здешней бирже вырос на 8 коп. (или на 2%) до 405 коп. ассигнациями за рубль серебром, возможно, на первых сообщениях о начале войны. Однако 18 июня, после официальной публикации рескрипта Александра I на имя Н.И. Салтыкова о вторжении французов, промен даже понизился до 404 коп. В последующий месяц курс ассигнаций, как в Москве, так и в Санкт-Петербурге отклонялся от этих уровней лишь незначительно.

Зато облигации Комиссии погашения долгов повели себя вполне предсказуемо. Как только в «Санкт-Петербургских ведомостях» был опубликован вышеупомянутый рескрипт Александра I, их курс упал. Цена облигаций, еще 14 июня составлявшая 40% прибыли в ассигнациях, 28 июня понизилась до 30%, 16 июля была уже только 20%, а 13 августа и вовсе упала до 6%, после чего облигации не торговались до ноября месяца, так как цена их сделалась фактически отрицательной. Что было вполне объяснимо, поскольку начавшаяся война вызывала неуверенность относительно сроков и полноты исполнения правительством своих обязательств по долгам. Эти опасения были вполне основательны: еще 2 апреля 1812 г на заседании Комитета финансов было принято решение о приостановке платежа процентов по внешнему (голландскому) долгу в случае начала войны с Францией, что и было впоследствии исполнено³⁷.

Напротив, курс ассигнаций отреагировал не столько на сам факт вторжения Наполеона в Россию, сколько на фактическое признание правительством тех затрат, которых потребует борьба с ним. Речь шла не об одобренных 15 июля 1812 г. Александром I чрезвычайных мерах финансового характера, таких как остановка гражданского строительства, прекращение выдачи ссуд из казенных банков, к которым были причислены и приказы общественного призрения, изъятие городских доходов свыше сумм, нужных на необходимые только расходы³⁸. Речь шла о подписанном несколько ранее, 6 июля 1812 г., Манифесте о сборе земского ополчения³⁹, который обычно не попадает в поле зрения специалистов по финансовой истории. Между тем именно после его опубликования курс ассигнаций резко упал. Наиболее значительное падение имело место в Москве, к населению которой Александр I счел необходимым обратиться отдельно. Соответствующее воззвание было напечатано в «Московских ведомостях» 13 июля 1812 г., а 15 июля, в тот самый день, когда московское дворянство и купечество демонстрировали Александру I свои патриотические чувства, за рубль серебром просили 430 коп. ассигнациями, что на 30 коп. (или 7,5%) больше, чем был промен 8 июля. На Санкт-Петербургской бирже повышение промена оказалось более умеренным, но и там 16 июля 1812 г. он поднимался до 413 коп.

Однако негативная динамика курса ассигнаций была быстро преодолена. Более того, несмотря на значительные отклонения, вызванные конкретными событиями, курс ассигнаций обнаруживал явную тенденцию к повышению именно в то время, когда русские войска отступали к Москве, а потом и за Москву. Уже в начале августа промен ассигнаций понизился до 395 коп. за рубль серебром в Москве и до 375 коп. в Санкт-Петербурге. 10 сентября 1812 г. промен ассигнаций на Санкт-Петербургской бирже снизился до 363 коп., а 24 сентября даже до 358 коп. за рубль серебром. Но этот рост (13,3%) был лишь слабым отражением того подъема, который демонстрировал вексельный (обменный) курс рубля. Котировка на Амстердам 14 июня 1812 г. на Санкт-Петербургской бирже составляла всего 11 штиверов за рубль ассигнациями, а 10 сентября, когда Наполеон вступил в Москву и многим на Западе поражение России казалось почти несомненным, она тем не менее

подскочила до 17,25 штиверов. Рост, таким образом, составил 56,8%! Соответственно ценность ассигнационного рубля в пересчете на серебро по «внешнему» курсу поднялась с 30,14 коп. до 47,26 коп., тогда как по «внутреннему» она поднялась за это же время всего до 27,55 коп. с 24,69 коп. серебром. Когда же французы оставили Москву и началось их преследование русской армией, курс ассигнаций начал падать, вновь опустившись до 11,75 штиверов за рубль 3 декабря 1812 г.

Объяснение этому исключительному повышению курса ассигнаций следует искать в балансе платежей по внешнеторговым операциям. Традиционно Россия, не обладавшая сколько-нибудь значительным торговым флотом, практически не имела возможности участвовать в посреднической торговле, явившейся основой процветания сначала Голландии, а потом и Англии. Континентальная блокада, вызвавшая серьезные изменения в товарных потоках, привела к тому, что колониальные товары, такие как кофе и сахар, а также хлопок-сырец и даже индиго, стали привозиться в Россию (прежде всего в Архангельск) в значительных размерах. Откуда они уже по суше реэкспортировались в Австрию и Пруссию, и дальше по всей Европе вплоть до Франции⁴⁰.

В начале 1812 г., вслед за завершением торговд-гфомышленного кризиса 1810-1811 гг., последовало оживление экономической активности, соответственно усилился спрос на сырье и другие товары, составлявшие предметы традиционного российского экспорта, что в свою очередь вызвало увеличение привоза колониальных товаров. Иностранцы рассчитывали за счет их реализации оплатить закупку российских товаров. Объем посреднической торговли в 1812 г. достиг 30,7 млн руб. ассигнациями и составил 20,9% от общего объема экспорта за этот год, а доход от нее оценивался Министерством финансов более чем в 10 млн руб. ассигнациями⁴¹.

Но с вторжением Наполеона в Россию ситуация резко изменилась. Сухопутная граница оказалась перекрыта, что резко сократило спрос на колониальные товары, покупавшиеся главным образом в целях последующего обратного вывоза за границу. В результате положительное сальдо торгового баланса, т.е. превышение экспорта над импортом, которое и так сохранялось все годы после присоединения России к континентальной системе, составило в 1812 г. 59,3 млн руб. ассигнациями. По сравнению с 1811 г. оно увеличилось почти на треть, или на 13,7 млн руб. ассигнациями⁴². На эту сумму был фактически предъявлен дополнительный спрос на ассигнации за иностранные векселя для оплаты экспортных закупок, что и вызвало повышение вексельного (обменного) курса рубля, а вслед за ним и понижения промена ассигнаций на серебро внутри страны. Но как только навигация завершилась, масштабная покупка российских товаров прекратилась, и курс ассигнаций, не поддерживаемый больше спросом со стороны иностранных купцов, вернулся на прежний уровень⁴³.

Таким образом, тому удивительному факту, что в 1812 г. курс ассигнаций, несмотря на военные потрясения, практически не изменился, Россия во многом обязана внешним факторам. Что касается действий отечественного Министерства финансов, и предпринятых им чрезвычайных мер, то они оказались не столь эффективны. Так, решение прекратить выдачу кредитов из государственных банков повлекло за собой отток частных вкладов из Заемного банка, которые сократились более чем на 10 млн руб.⁴⁴, да и сохранные казны воспитательных домов Москвы и Петербурга испытывали трудности с возвратом вкладов.

Вместе с тем запрет на выдачу ссуд имел очень интересный побочный эффект. Лишившись возможности получить наличные в банке или ломбарде, многие принуждены были отнести на монетный двор свое столовое серебро, чтобы перечековать его в монету⁴⁵. Только в Москве было принесено в пробирную палату для передела 261,7 пудов серебра (в 1,6 раза больше, чем в 1811 г.), за которое выдано просителям ассигнациями по курсу 735 913 руб. 70 коп.⁴⁶ И это при том, что палата в конце августа должна была покинуть город, временно прекратив свою деятельность. Всего же в 1812 г. было изготовлено серебряной монеты на 4,3 млн руб. (что

эквивалентно примерно 16,7 млн руб. ассигнациями), или на 71,6% больше среднегодового объема чеканки за все предшествовавшие годы царствования Александра I⁴⁷. Итак, несмотря даже на военные обстоятельства, серебряная монета продолжала возвращаться в каналы обращения, что должно было также способствовать в конечном итоге понижению промена ассигнаций на серебро.

В заключение надо отметить, что правительству в 1812 г. удалось избежать значительных финансовых потрясений. Дефицит бюджета составил 28,3% от его расходов, или 96,9 млн руб. ассигнациями⁴⁸, т.е. более двух третей всех расходов в этом военном году было покрыто за счет обыкновенных доходов. Что касается финансирования образовавшегося дефицита, то Д.А. Гурьев, как мы видели, вовсе не спешил включать печатный станок. Лишь после 18 сентября была осуществлена масштабная эмиссия ассигнаций на сумму 64,5 млн руб. Во многом это стало возможно благодаря тому, что «целую половину 1812 г.» снабжение действующих армий осуществлялось, как отмечал министр финансов, не покупками за деньги, а «требованиями и реквизициями от земли как под квитанции, так и без оных»⁴⁹. К этому надо добавить разнообразные приношения и пожертвования от дворянства и других сословий. По весьма умеренному подсчету, сделанному самим министром финансов, все эти пособия, уменьшавшие требование денег от государственного казначейства, составили сумму, превышающую 200 млн руб.⁵⁰ В результате расходы военного министерства лишь на 4,7% превысили назначенные по росписи 153,6 млн руб. ассигнациями.

Вместе с тем надо иметь в виду, что значительная часть расходов, из без малого 463,4 млн руб., назначенных к исполнению в 1812 г., так и не была профинансирована. Даже предусмотренные по росписи расходы были исполнены лишь на 76,5%. Из оставшихся неисполненными расходов 37%, или 45,1 млн руб. ассигнациями, были списаны со счетов государственного казначейства, платеж же остальных 76,1 млн руб. только переносился на будущие годы. Фактически речь шла о дальнейшем увеличении текущего долга. Но податные силы населения были существенно ослаблены военными требованиями и пожертвованиями, недоимки по прямым налогам за 1812 г. увеличились на 378%, достигнув 56,6 млн руб. Таким образом, сохранялась необходимость продолжения финансовых реформ, начатых накануне Отечественной войны 1812 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее данные о денежных и вексельных курсах взяты из «Санкт-Петербургских ведомостей» (для Москвы - из «Московских ведомостей») за соответствующие дни.

² Журналы Комитета министров. СПб., 1891. Т. 2. С. 379.

³ Данные о курсах в Риге взяты из кн.: *Гольдман В.К.* Русские бумажные деньги. СПб., 1866. С. 33. Примеч.

⁴ Журналы Комитета министров. Т. 2. С. 379.

⁵ Золотые страницы: финансового права. М., 1998. Т. 1. С. 82.

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Архив Государственного Совета: Журналы по делам департамента гос. экономики (далее - АГС). СПб., 1881. Т. 4, ч. 1. Стб. 391.

⁸ Там же. Стб. 397-400.

⁹ См.: *Каишаров М.П.* Денежное обращение в России. СПб., 1893. Т. 1. С. 10-11.

¹⁰ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. (далее ПСЗ). СПб., 1830. Т. XXXII. № 25080.

¹¹ Подробнее об этом см., напр.: *Дубянский А.Н.* Проблема параллельных денег в Российской империи. СПб., 2004.

¹² *Мигулин П.П.* Русский государственный кредит. Харьков, 1899. Т. 1. С. 60. И.И. Кауфман в своих ранних работах также объяснял отсутствие падения

курса ассигнаций в годы Отечественной войны и позднее, в 1813-1815 гг.,

действием манифеста 9 апреля 1812 г. См.: *Кауфман И.И.* Государственные долги России // Вестн. Европы. 1885. Янв. С. 199.

¹³ Цена облигаций Комиссии погашения долгов печаталась в «Санкт-Петербургских ведомостях» в разделе «Денежный курс».

¹⁴ Журналы Комитета министров. Т. 2. С. 379.

¹⁵ Там же. С. 378.

¹⁶ Там же. С. 305-306.

¹⁷ Там же. С. 319. Подсчет изменения цен сделан нами на основании «Ведомости о продажных ценах на хлеб в торговые дни по полученным из губернских городов сведениям», публиковавшихся в «Северной почте».

¹⁸ Журналы Комитета министров. Т. 2. С. 378

¹⁹ Там же. С. 378, 379.

²⁰ ПСЗ. Т. XXXII. № 25.083.

²¹ Журналы Комитета министров. Т. 2. С. 380.

²² Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 4. С. XV

²³ Там же. С. XVI.

²⁴ Там же. С. 146-147.

²⁵ Журналы Комитета министров. Т. 2. С. 407.

²⁶ Там же. С. 380.

²⁷ Там же.

²⁸ ПСЗ. Т. XXXII. № 25.096.

²⁹ Отчет за войну 1812-1815 гг. Варшава, 1815. С. 44-45.

³⁰ Журн. м-ва нар. просвещения. 1868. Март. С. 843.

³¹ Отчет за войну 1812-1815 гг. С. 170-171.

³² ОПИ ГИМ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 11. Л. 11 об.

³³ Журналы Комитета министров. Т. 2. С. 378-380.

³⁴ Председателем Комитета финансов стал Н.И. Салтыков, который к тому

же был назначен председателем Государственного совета и Комитета министров. В состав комитета, помимо Д.А. Гурьева, вошли председатель объединенных, после отставки Мордвинова, Департаментов государственной экономии и законов П.В. Лопухин и главнокомандующий в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинов, позднее к ним присоединился А.А. Аракчеев. В этом комитете сосредоточилось, в изменение принятого в 1810 г. порядка, решение фактически всех вопросов финансового управления, как отмечалось, для обеспечения быстроты и тайны в разрешении военных кредитов. См.: Министерство финансов, 1802-1902. СПб. 1902. Ч. 1. С. 46.

³⁵ Министерство финансов, 1802-1902. Ч. 1. С. 182-183.

³⁶ Цит. по: *Рябцевич В.Н.* Нумизматика Беларуси. Минск, 1995. С. 283.

³⁷ Петербург: История банков. СПб., 2001. С. 70.

³⁸ ПСЗ. Т. XXXII. № 25.186.

³⁹ Там же. № 25.176.

⁴⁰ На эту особенность внешней торговли России в годы континентальной блокады обратил внимание К. Арнольд, указывая на ее связь с повышением курса ассигнаций. См.: *Арнольд К.* Мнение о системе тарифа в России. СПб., 1816. С. 3, 5.

⁴¹ Государственная внешняя торговля 1812 года в разных ее видах. СПб., 1812. Табл. VI, XI.

⁴² *Арнольд К.* Указ. соч. Табл. III.

⁴³ Об этом исключительном явлении в истории денежного обращения писали такие известные в XIX в. экономисты, как Л. Якоб (*Jakob L.H. Ueber Russlands Papiergeld.* Halle, 1817. S. 46—19) и Т. Тук (*Tooke T. History of prices.*

L., 1848. Vol. 4. P. 212-215). На нем останавливается и К. Арнольд в указанной работе (с. 26).

⁴⁴ *Морозан В.В.* История банковского дела в России. СПб., 2004. С. 207.

⁴⁵ См.: *Божерянов И.Н.* Граф Егор Францевич Канкрин. СПб., 1897. С. 19.

⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 103. Л. 95 об. - 96.

⁴⁷ *Уздеников В.В.* Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах, 1700-1917. М., 1995. С. 41, 134.

⁴⁸ Данные о бюджете на 1812 г. и его исполнении см.: Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 45. С. 210-218, 461-472.

⁴⁹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной

его императорского величества канцелярии. СПб., 1890. Вып. 3. С. 332-333.

⁵⁰ Там же. СПб., 1876. Вып. 1. С. 49-50.